

БЛЮМА ВУЛЬФОВНА ЗЕЙГАРНИК

ФЕНОМЕН ЗЕЙГАРНИК
(1900 – 1988)

В 1927 г. на отделении психологии философского факультета Берлинского университета была защищена дипломная работа. Руководитель — известный уже в те годы психолог Курт Левин. Тема — «О запоминании завершенных и незавершенных действий», а имя дипломницы — Блюма Вульфовна Зейгарник. В работе показано, что незавершенные действия запоминаются почти в два раза лучше, чем завершенные; в основе этого явления, как было доказано в исследовании, лежит актуальная потребность (квазипотребность, по К. Левину). Сама Блюма Вульфовна вспоминала, что на следующее утро после защиты диплома ей позвонил К. Левин и сказал: «А вы знаете, что вы наделали? Вы совершили научное открытие». И это действительно так. Описанный Блюмой Вульфовой феномен преимущественного запоминания незавершенных действий вошел в мировую научную психологическую литературу под ее именем — феномен Зейгарник, или Зейгарник-эффект. Дипломница К. Левина, одна из ярких представительниц знаменитой плеяды его учеников, составивших гордость мировой психологии (достаточно назвать только их имена — Ф. Хоппе, М. Юкнат, Т. Дембо, Г. Биренбаум и др.), Б.В. Зейгарник стала знаменитой, а ее имя сразу же было отнесено к числу классиков мировой психологии.

Научная биография Б.В. Зейгарник — дело будущих исследователей ее творчества. Наша задача более скромная: психологический портрет самой Б.В. Зейгарник, личность которой — ярчай-

ший психологический феномен, заслуживающий особого изучения. Жизнь Б.В. Зейгарник, ее творческая научная и клиническая деятельность достойны восхищения и могут стать образцом для подражания. Мы надеемся, что эти несколько отрывочные заметки позволят восстановить живой образ Блюмы Вульфовны.

Б.В. Зейгарник прожила долгую и трудную жизнь. Она родилась 9 ноября 1900 г. в маленьком литовском городке Пренай в многочисленной дружной семье. О царившей в семье атмосфере можно теперь судить лишь по некоторым замечаниям самой Блюмы Вульфовны, вспоминавшей отца, его здравый смысл, ум и неиссякаемое чувство юмора. Возможно, творчество Шолома Алейхема может дать некоторое представление о той атмосфере доброжелательной иронии, которая постоянно присутствовала в семье. Живая и способная девочка успешно окончила гимназию и уехала учиться в Берлинский университет. Здесь после кратковременного «пробного» обучения на нескольких гуманитарных факультетах она поступила на отделение психологии философского факультета.

В Берлинском университете Б.В. Зейгарник слушала лекции известных психологов — В. Келера, М. Вертгеймера и др. Посещала лекции по философии, филологии, математике. Слушала лекции А. Эйнштейна. Тема его лекций, как вспоминала потом она, не увлекла ее, но сама личность лектора притягивала к себе творческой незаурядностью, загадкой гениального ума и яркого характера.

Блюма Вульфовна с ее интересом к внутреннему миру человека довольно скоро нашла себе учителя психологии. Им стал К. Левин. В те годы его психологическая теория еще была в стадии становления. Сам К. Левин, ненамного старше своих учеников, был для них не только учителем, но и другом-единомышленником. Б.В. Зейгарник вспоминала, что общение с К. Левином отличалось по стилю от того, что было принято в научно-академических кругах того времени. Человек с общительным, живым характером, К. Левин вовлекал своих учеников в особую «игру-поиск», делая часто предметом исследования непосредственные житейские наблюдения над людьми. Так, его семинары часто проходили в кафе за чашкой кофе. В частности, сам феномен запоминания незавершенных действий был «подсмотрен» им именно в этой ситуации. Он обратил внимание (вспоминала Б.В.) на то, что официант прекрасно помнит заказ каждого посетителя. К. Левин попросил официанта назвать, не заглядывая в книжечку, что заказал тот или иной посетитель. Официант, не задумываясь, воспроизвел содержание всех заказов. Когда же речь зашла о выходящих из кафе посетителях, он не смог вспомнить их заказ. «Они ведь уже расплатились», — ответил он. Следовательно, заключает К. Левин, у него уже нет потребности помнить, напряженная динамическая система — квазипотребность — иссякла. Умение всматриваться в обыденную жизнь, видеть за ее мелочами глубокие психологические «корни», по-видимому, в значительной степени развилось у Б.В. Зейгарник именно в годы работы с К. Левином; в течение всей последующей жизни она совершенствовала эти навыки, опираясь на данные наблюдений в своей исследовательской работе.

Особая атмосфера дружелюбия, взаимопонимания, товарищества объединяла вокруг К. Левина его учеников, была питательной средой для их совместного творчества.

После защиты диплома Блюма Вульфовна продолжала работу в группе К. Левина, оставшись в Берлине с мужем, работником советского торгпредства. Вернувшись в Советский Союз

(по-видимому, в 1931 г.), она стала трудиться в психоневрологической клинике Института экспериментальной медицины, являясь ближайшим сотрудником Л.С. Выготского. Именно в эти годы она сближается со многими ведущими советскими психологами, становится их соратницей и единомышленницей.

30-е годы — время тяжелых испытаний для Блюмы Вульфовны. В стране нарастала волна репрессий. Преждевременная смерть Л.С. Выготского, как считала она, была ускорена именно этими событиями. Не обошли испытания стороной и Блюму Вульфовну. В 1938 г. был арестован ее муж, она осталась одна с малолетним сыном, второй ее сын родился вскоре после ареста мужа. Страх, неуверенность в будущем, материальная неустроенность на долгие годы поселились в семье Б.В. Среди немногих друзей, оставшихся верными ей в эти тяжелые годы, были А.Р. Лурия, С.Я. Рубинштейн. До последних дней жизни Блюма Вульфовны С.Я. Рубинштейн оставалась ее подругой и соратницей. В то тяжелое время Сусанна Яковлевна помогала ей во всем, поддерживала ее морально, сопровождала Б.В. в «походах» на Лубянку, чтобы узнать о судьбе репрессированного мужа. (Он погиб в застенках КГБ.) Блюма Вульфовна была благодарна С.Я. Рубинштейн за дружескую помощь, высоко ценила ее преданность и отзывчивость; часто повторяла своим ученикам, роптавшим на ее тяжелый характер: «Вы не знаете Сусанну Яковлевну. Она верный друг и очень хороший человек».

В годы Великой Отечественной войны, эвакуировавшись из Москвы, Блюма Вульфовна работала на Урале в нейрохирургическом госпитале «Кисегач», принимая активное участие в работе по восстановлению психической деятельности тяжелораненых. Результаты этих исследований были впоследствии опубликованы. В этот период укрепляются ее научные и личные контакты со многими крупнейшими психологами страны — А.Р. Лурией, А.Н. Леонтьевым, А.В. Запорожцем, С.Г. Геллерштейном и другими. С большим теплом и любовью вспоминала о них впоследствии

Б.В. Зейгарник, отмечая, что именно в этот период под влиянием общения с психологами школы Выготского и оформились ее представления о патопсихологии как особой области знания.

В послевоенные годы Блюма Вульфовна работала в НИИ психиатрии МЗ РСФСР, где возглавляла созданную ею лабораторию экспериментальной патопсихологии (до 1967 г.). В этот период ее научными партнерами становятся многие замечательные отечественные психиатры — М.Я. Серейский, С.Г. Жислин, И.Г. Равкин, Г.Е. Сухарева, Д.Е. Мелехов и другие. В это время тяжелого идеологического гнета, нарастающей физиологизации психиатрии (в особенности после знаменитой павловской сессии 1950 г.) эти клиницисты старой врачебной школы не только оставались верными лучшим традициям психиатрии прошлого (не мыслившей эффективной работы с психически больными без психологии), но поддерживали и защищали как Б.В. Зейгарник, так и ее «молодую» лабораторию. В особенности надежную защиту она чувствовала со стороны проф. Д.Е. Мелехова, бывшего директором Института психиатрии в тот период, когда готовился судебный процесс над «врачами-убийцами». Именно он помог сохранить лабораторию, а ее — оставить в штате института (хотя уже существовало решение о ее увольнении). В эти годы она провела обширный цикл исследований, ставших научным фундаментом современной психологии.

В то же время Б.В. Зейгарник начинает читать курс патопсихологии сначала на отделении психологии философского факультета МГУ, затем (с 1966 г.) — на факультете психологии. С 1967 г. она стала профессором факультета психологии, где с увлечением вела свою работу до последних дней жизни. Заслуги Б.В. Зейгарник были отмечены Ломоносовской премией I степени (1978) и международной премией им. К. Левина (1983).

Блюма Вульфовна принадлежала к тому поколению, на долю которого выпало несколько небывалых по тяжести войн, российская революция со всеми ее социальными последствиями, тоталитаризм, репрессии. Колесо истории оставило глубо-

кие следы (вернее, раны) на ее судьбе. Это не могло не наложить отпечаток на ее личность и общее мироощущение. Какой она была в молодости, в период ее работы в Берлине у К. Левина, мы уже не узнаем никогда. Современников и очевидцев не осталось. Сама Блюма Вульфовна (как многие люди ее поколения), вспоминая это время, говорила о себе мало, скупно и неохотно. Правда, те, кто знал ее в начале 30-х гг., после возвращения из Германии (А.Н. Леонтьев, С.Я. Рубинштейн), вспоминали, что она производила впечатление блестящего (слово А.Н. Леонтьева), жизнерадостного, талантливое во всем человека.

Был ли реализован в полной мере ее собственный человеческий потенциал? Думаем, что нет. Тяжелая борьба за выживание (иногда в самом буквальном смысле слова), конечно, ограничивала возможности самореализации. Однако Блюма Вульфовна сохранила свою неповторимую человеческую индивидуальность.

В чем же заключена загадка личности Б.В. Зейгарник — как особого психологического феномена? Вот некоторые штрихи к ее портрету.

При подготовке данной публикации мы обращались ко многим людям, знавшим ее, с вопросом: «Что, как вам представляется, было главным в личности Блюмы Вульфовны?» Наиболее часто мы слышали в ответ: «мудрость», «понимание людей», «воля».

Все, кто знал Б.В. Зейгарник, единодушно отмечают, что она была человеком талантливым, крупной выдающейся личностью, для которой порядочность являлась главным критерием в оценке людей.

Вся ее жизнь (в период нашего общения и сотрудничества с нею) была подчинена идее создания научных основ новой области знания — патопсихологии. Все свои творческие силы, энергию, ум она направляла на то, чтобы отстоять (часто в дискуссиях с коллегами-психиатрами) предметную автономию данной области науки и практики.

Психологию она понимала как науку гуманитарную, опирающуюся на систему наук о человеке и обществе. Попытки биологизации,

математизации и т. п. психологии принимались ею с резкой критикой, рассматривались как грубый редукционизм, как игнорирование собственно психологического предмета исследования. Патопсихология для Б.В. Зейгарник — ветвь психологии (но не медицины, не психиатрии); она изучает закономерности распада психики при душевных заболеваниях, опираясь на знание закономерностей психического развития в норме. В соответствии с таким пониманием предмета патопсихологии она выделила и описала особый класс психологической феноменологии, качественно отличающийся от психиатрической (психопатологической). Это психологические феномены нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях (патология мышления, памяти, восприятия и т. д.), нарушений личности и эмоционально-волевой сферы больных. Ею создана новая систематика данных феноменов, основанная на психологических критериях. Исследован также ряд важнейших психологических закономерностей, лежащих в основе нарушений психики: изменения, искажения мотивационного звена психической деятельности, различные нарушения в системе опосредствования, личностной саморегуляции и др. Все это позволило подойти к выделению особого класса синдромов — патопсихологических, что, в свою очередь, открыло новые перспективы для исследования и практической психодиагностики в клинике психических заболеваний. Не останавливаясь более подробно на анализе научного вклада Б.В. Зейгарник, отметим, что итогом ее плодотворной целеустремленной деятельности явилась не только разработка теоретической основы патопсихологии, но и создание целой научной школы, существующей и развивающейся и в настоящее время, после ее ухода из жизни. Много сил отдала она и становлению психологической службы в психиатрии; это ей удалось сделать в сотрудничестве с В.Н. Мясищевым.

Все работы Б.В. Зейгарник в области патопсихологии несут на себе отпечаток ее неорди-

нарной личности. Их отличает широкая гуманитарная и гуманистическая направленность. Тезис о единстве теории и практики никогда не был для нее простой декларацией. Научные обобщения рождались в практической работе с больными и сразу же находили свое воплощение в решении повседневных прикладных вопросов психиатрической клиники (диагностических, экспертных и др.).

Проблема соотношения интеллекта и аффекта, одна из центральных для психологии и до настоящего времени, была наиболее важной для Б.В. Зейгарник, и она возвращалась к ней постоянно и в научных публикациях, и в устных выступлениях, и в беседах с учениками. При этом все мы довольно рано начинали понимать, что она являет собою человека, гармонически сочетающего рациональность с высокой чувствительностью, эмоциональной чуткостью и тонкой нюансировкой эмоциональных проявлений. Здравый смысл, умение «смотреть в корень» проблемы, видеть суть за фасадом явлений гармонично сочетались с романтизмом в науке и жизни, духовной высотой помыслов и целей. Блюма Вульфовна обладала ясным и глубоким умом. Ее научные тексты прозрачны и просты. Простота изложения сложных научных положений была важнейшим принципом ее научного творчества. Она любила родной язык, критически относилась к его «засорению» англицизмами, жаргонными выражениями и т. д.

Блюма Вульфовна была человеком долго длящегося развития. Вспоминаются в этой связи слова И.А. Бунина, сказанные им о Чехове: «Всю жизнь росла душа его». Эти слова в полной мере можно отнести и к Б.В. Зейгарник. Развитие продолжалось до последних дней ее жизни. Помнится, как за день до смерти в больнице по ее инициативе мы обсуждали новые проблемы патопсихологии, иную структуру ее лекционного курса и перспективу совместной работы. И это было естественно, ненатужно, интересно и талантливо.

Как человек гармоничного склада, она всегда с настороженностью и недоверием относилась ко всякому «застою» в развитии человека, изло-

му, искажению. В своей обыденной жизни, профессиональном сотрудничестве она старалась избегать людей с личностными изъянами, дисгармонией, эмоциональной «несобранностью», т. е. с тем, что психологи называют комплексом неполноценности.

Масштабные жизненные цели могут быть воплощены в жизнь только человеком с сильным, стойким характером. Таким характером и обладала Блюма Вульфовна — маленькая женщина с заразительным смехом, молодым (до последних дней жизни) голосом и неповторимыми по выразительности интонациями. Вспоминается в этой связи ее рукопожатие: своей маленькой рукой она «забирала» руку партнера — не жестко, но властно, твердо. Это ощущение, думается, осталось в памяти у многих. Не любила, когда партнер не реагировал на ее рукопожатие, т. е. держал ладонь «рыбкой» (*выражение Б.В.*). И это многое открывало для нее в людях. Наблюдательному партнеру ее рукопожатие могло многое сказать о характере самой Блюмы Вульфовны. Жизненные трудности, казалось, закалили ее, она не утратила оптимизма, веры в людей и сохранила страстную жажду познания, прежде всего человека. Теперь, оглядываясь в прошлое, поражаешься цельности ее натуры, верности жизненным принципам.

Рано проявившийся интерес к человеку, ум, наблюдательность, интуитивность в сочетании с высоким профессионализмом психолога-клинициста делали Б.В. Зейгарник человеком проницательным, проникавшим в самую суть другого человека даже при первом взгляде на него. Зная эту ее способность, часто просили ее просто посмотреть на какого-то человека или побеседовать с ним и сказать свое мнение о нем. Ее оценки всегда были лаконичны и в дальнейшем, как правило, подтверждались. Сама же она, будучи человеком доброжелательным, иногда изменяла свои первоначальные оценки (например, в сторону их «смягчения»); в ряде же случаев замечала при этом: «А все-таки первый взгляд самый точный».

Вслед за врачами прошлого, для которых при оценке человека было важно все: походка, речь,

взгляд, рукопожатие и т. д., Б.В. Зейгарник также считала важным все эти внешние проявления, умела их увидеть, тонко оценить и создать целостный психологический портрет человека даже по скупым поведенческим признакам. Этому она учила и студентов-психологов, молодых специалистов, своих сотрудников.

Обращенность к людям, их внутреннему миру, желание понять человека — одна из главных черт (а может быть, и самая главная) Блюмы Вульфовны как личности. Это качество, скорее всего, и лежало в основе ее долгой психологической молодости. «Я люблю работать со студентами, с молодыми», — часто говорила она уже в последние годы жизни. Она внимательно и заинтересованно изучала их, ей было интересно с молодежью. Студенты отвечали ей искренней любовью. В один из последних юбилеев, поздравляя Блюму Вульфовну, они посвятили ей шуточные, наивные стихи, начинавшиеся словами: «Б.В. Зейгарник — Вы наш цветок, мы Вас любим горячо».

Интерес к внутреннему миру человека (и здорового, и больного), видимо, и побудил ее в молодости — «эксперимента ради» — принять однократно наркотик. Она, рассказывая об этом, замечала, что было интересно испытать на себе, пережить то, что чувствуют люди в случае психической болезни: галлюцинации, измененное восприятие себя и мира вокруг. Все то, что она испытала при этом, Б.В. Зейгарник записывала, сопроводив описание, видимо, интересными комментариями и интерпретацией. Однако эти записи были изъяты у нее при аресте мужа вместе с другими материалами и пропали в КГБ.

Легкость вступления в контакт с любым человеком — ребенком или взрослым, больным или здоровым — одна из характерных особенностей Блюмы Вульфовны. Она располагала к себе людей. И это не было только высоким профессионализмом клинициста. Магия человеческого обаяния притягивала к ней людей. Она всегда была готова прийти на помощь, и люди часто эксплуатировали это ее качество.

При такой обращенности к людям, казалось бы, и сам человек «открыт» людям. Нет, она была

человеком «закрытым», о ее внутреннем мире знали очень немногие люди (может быть, только С.Я. Рубинштейн). Говорить о себе не любила. На прямые вопросы отвечала шуткой: «Это я Вам оттуда напишу» (имелось в виду — после смерти). Ценила в людях качество, называвшееся ею «опосредствованность». Часто, оценивая человека, замечала: «Это человек опосредствованный». При этом имелось в виду умение человека критически оценить себя, свое поведение, поступки, способность самостоятельно справиться с внутренними проблемами. В этой связи она очень скептически относилась к возможности широкого использования психотерапии. По мнению Б.В. Зейгарник, развитая, гармонично организованная личность должна уметь самостоятельно «отрегулировать» свой внутренний мир. В психотерапии нуждаются, как она считала, люди незрелые, с несформированной системой психологической саморегуляции. «Мы же с Вами, — говорила она одному из своих собеседников, — не пойдем в психотерапевтическую группу». Заметим в этой связи, что интерес Б.В. Зейгарник к проблеме саморегуляции, так ярко проявившийся в особенности в последние годы жизни (напомним, что ее последняя посмертная публикация посвящена именно этой теме), также не был случайным, как и весь ее творческий путь.

Сама Блюма Вульфовна в полной мере владела искусством саморегуляции. Человек требовательный к себе, мыслящий критически, она часто сомневалась в себе. Беспokoйно, тревожно ожидала всегда какого-либо решения ответственного лица, публичного выступления и т. д. Однако умела «взять себя в руки».

Б.В. Зейгарник не были свойственны самодовольство, сомнение, амбициозность. При всей мягкости и доброжелательности в общении в ряде случаев отвечала твердо, категорично. Не любила ханжества, мелочности, необязательности в людях. Ее раздражали глупость, ограниченность, нечуткость. Говорила, например: «Как Вы можете общаться с Х. С нею хорошо только чай пить». Любила ум, чувство юмора в людях, с нежностью относилась к ним в том случае, если

эти качества сопровождались моральной чистотой и человеческой надежностью.

Сама она была человеком с тонко развитым чувством юмора. Умела посмотреть на себя со стороны и увидеть смешное прежде всего в своем поведении. В отношениях с близкими ей людьми использовала систему только им понятных знаков, что упрощало взаимодействие, наполняло общение иронией, шутливым смыслом. Часто при этом брались ключевые слова или фразы из любимых ею анекдотов или художественной литературы. Например, обсуждая вопрос о необходимости убеждения какого-либо административного лица, говорила: «Осталось только уговорить графа». Или, характеризуя человека: «Это не Выготский... Летает, но только очень низко».

Блюма Вульфовна всегда внимательно вслушивалась в оценки и мнения своих сотрудников, учеников. Они были интересны ей, так как открывали ей самих говорящих. «Что это за человек?» — этот вопрос можно было иногда прочесть в выражении ее глаз, лица, позы. Знала возможности и потенциал каждого. Радовалась успехам своих учеников. «Какой умный Х, — восторженно могла сказать. — Он придумал такую интересную методику. Настоящий ученый».

Сама Блюма Вульфовна была необычайно изобретательна в работе с больными. Каждый, кому приходилось работать с психическими больными, хорошо знает, как трудно иногда привлечь внимание больного, заставить его выполнить самое простое задание. Она делала это с большим мастерством: могла «разговорить» депрессивного больного, стимулировать активность у заторможенного пациента, организовать целенаправленную деятельность больного, находящегося в маниакальном состоянии или одержимого бредом. Мягкость, доброжелательность, готовность помочь человеку располагали к ней больных, вызывали их ответное доверие. Блюма Вульфовна умела слушать, одной фразой направить больного в нужное ей, как исследователю, русло. Хорошо владела приемами невербального общения.

Когда теперь мы читаем в ее книгах о том, что можно найти психологический подход к любому человеку, понимаем — это не пустые слова. Она опиралась на свой уникальный клинический опыт.

Блюма Вульфовна прекрасно знала психиатрию и поэтому могла профессионально точно общаться с психиатрами на их языке. Они знали об этом и высоко ценили ее не только как психолога, но и как клинициста. Часто замечала своим ученикам, что, работая в пограничной области знания (а именно таковой является патопсихология), нельзя не знать достижений этой смежной области. Требовала от своих учеников и сотрудников знания психиатрии и других клинических дисциплин. Выступала против использования категорий психопатологии для характеристики здоровых людей, в особенности творческих личностей. Замечала: «Вот говорят о человеке — шизоид, эпилептоид... Что нового открывает это в нем?» Использование психиатрических «ярлыков» (как называла это Б.В.) создает для психологов иллюзию нового знания, на самом же деле часто только закрывает путь к поиску истинной природы и сущности человеческой личности.

Блюма Вульфовна была широкообразованным человеком. Круг ее гуманитарных интересов был разнообразен, ее познавательная активность оставалась высокой даже в последние годы жизни. Она в совершенстве владела немецким языком, знала немного английский и французский (читала), понимала по-польски. Вся новейшая психологическая литература становилась предметом ее пристрастного изучения. Не случайно уже в последнее десятилетие жизни ею был создан новый лекционный курс «Теории личности в зарубежной психологии», привлекавший большое число слушателей. Вопрос о преемственности научного знания (как и преемственности культуры в целом) был для нее важнейшим. Только непрерыв-

ность научных (и шире — культурных) традиций, как утверждала Б.В. Зейгарник, может обеспечить глубину и высокое качество познания и исследования.

Круг постоянного чтения Блюмы Вульфовны был обширен. Литература по философии, искусству, мемуаристика, классическая и современная художественная литература неизменно находились на ее рабочем столе. Перечитывая классику, она искала ответы на волновавшие ее вопросы, возвращалась к ним даже в своих лекциях для студентов. И это придавало ее лекциям большую глубину, включало конкретный материал лекции в широкий контекст гуманитарного знания.

Особое пристрастие обнаруживала Б.В. Зейгарник в последние годы к современной художественной литературе. Любила прозу «деревенщиков» (В. Распутина, прежде всего), повести А. Тендрякова, В. Быкова. Характеры изображенных в этих произведениях современников, их проблемы, переживания, жизненные коллизии наводили ее на новые интересные размышления, позволяли осмыслить собственный жизненный опыт. Вечные темы — жизнь и смерть, добро и зло, верность и предательство, милосердие и жестокость — волновали Б.В. Зейгарник, служили предметом размышления и обсуждения.

О личности Блюмы Вульфовны Зейгарник мы знаем, казалось бы, очень много. Вместе с тем загадка остается. Разгадать ее трудно нам — современникам и ученикам Блюмы Вульфовны. Еще труднее сделать это нашим потомкам: поколение, к которому она принадлежала, чаще всего не оставляло архивов, дневников и писем. Загадка феномена личности Блюмы Вульфовны Зейгарник еще долго будет волновать исследователей ее творчества.

В.В. Николаева,
Ю.Ф. Поляков